

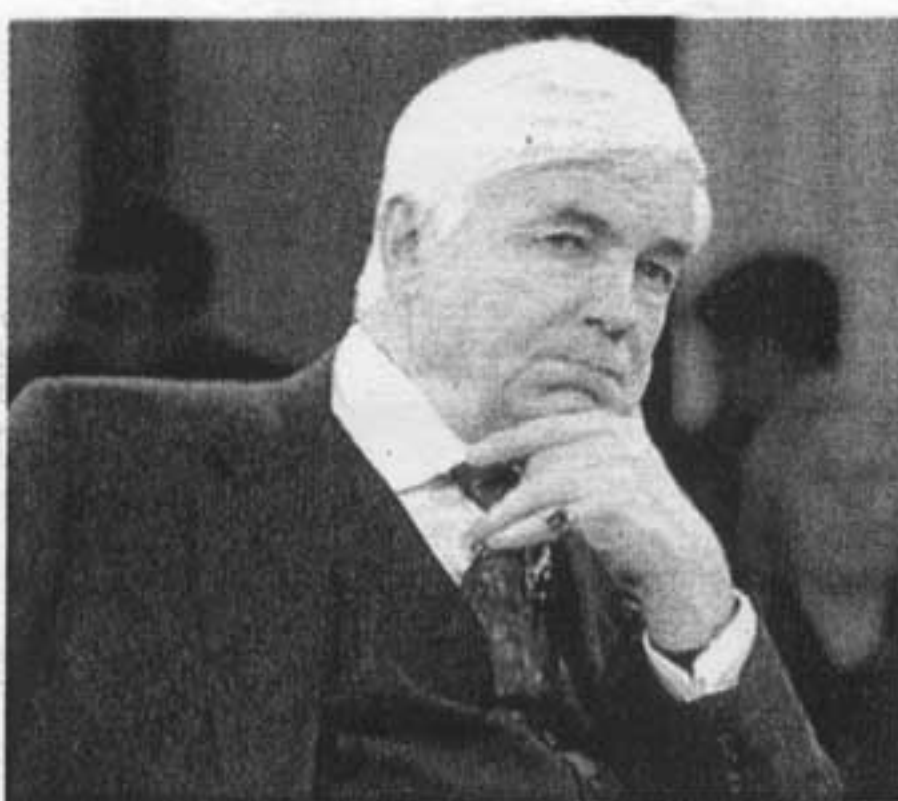
Даже высокопоставленные чиновники из окружения Буша-старшего признавались мне, что такой поворот (и с ракетами, и с польской политикой) явно преждевремен, не обоснован, легковесен.

Михаэль Штюрмер

ПОЗИЦИЯ

«Европейцы сами толком не понимают, что такое ЕС»

ФОТО АРР

Немецкий ученый и публицист убежден: планы расширения системы ПРО «не сулят для европейцев ничего хорошего», а стремление Варшавы стать «51-м американским штатом» — ошибочный курс.

В Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов, где осуществляется Дипломатическая программа — составная часть Международных Лихачевских научных чтений, — выступают не только карьерные дипломаты. Недавно к собравшимся обратился крупный историк и публицист — доктор Михаэль Штюрмер, в 80-е годы политический советник бундесканцлера Хельмута Коля. Речь маститого ученого звала целый шквал вопросов.

— Господин профессор, в одной из своих монографий вы утверждали, будто Германия может быть миролюбивой только при авторитарном политическом режиме. Применим ли этот подход к иным странам, допустим, к России? И не стала бы такая модель наиболее приемлемой в условиях системной нестабильности?

— Вы привели не мой тезис, а утверждение весьма консервативных современников знаменитого канцлера Бисмарка, говоривших, что усилить и успокоить страну можно лишь крепкой рукой. А либеральные методы в этом случае противопоказаны. Того же мнения придерживался и сам Отто Бисмарк. Что же касается моих личных оценок, то я пытался доказать, что для истинной демократии необходимы комплексные предпосылки: определенная ступень развития, зрелое общество с отлаженными механизмами равновесия, то есть правовое государство. Такие рамки предполагают свободные публичные дебаты, открытость, беспрепятственное высказывание своей точки зрения. И высокий уровень жизни с относительно небольшим разрывом между богатыми и бедными. Я полагаю: если нынешний финансовый кризис не приведет нас к серьезному обвалу, к тяжелой депрессии, то у Германии есть хорошие возможности сохранить устоявшиеся демократические институты.

Что же до России, то мне не хотелось бы давать какие-то советы. Вы громадная страна, у вас обилие людей, религий, разнообразные ландшафты, 11 часовых поясов, несметные залежи нефти и газа. Но в то же время население этнически однородно — преобладают русские. Вероятно, России подошло бы некое осторожное и грамотное смешение разных политических форм. А вообще демократии требуется толчок. Пассивность, застой — не для нее. Мы, немцы, шли по этому пути долго и терпеливо. Пожелаю и вам, русским, побольше терпения и выдержки.

— Почему, по-вашему, президент Дмитрий Медведев начал свое знакомство с

Западом, направившись именно в Берлин?

— Данная последовательность имеет, конечно, глубокий смысл. Да, господин Медведев мог бы полететь в Брюссель, но Россия и Евросоюз пока еще не достигли должного понимания. Скажу больше: сами европейцы толком не понимают, что такое ЕС. Экономически, да, мы довольны. Однако царящая там замысловатая геометрия налогообложения настораживает и даже пугает. Причин же, вызвавших поездку Дмитрия Медведева в Германию, достаточно. У нас отличные дипломатические отношения, прочные экономические связи, высокая инвестиционная активность. Я присутствовал на тех переговорах и считаю визит успешным. В частности, прозвучала разумная идея вашего президента о новой архитектуре безопасности — от Ванкувера до Владивостока.

— Американцы наращивают свои вооружения в Польше и Чехии. Рядом, в странах Балтии, идет оголтелая националистическая пропаганда. Не мешает ли это сотрудничеству России и Евросоюза?

— Радары в Чехии и ракеты в Польше — проблема непростая. Надеюсь, что новое вашингтонское руководство семь раз отмерит, прежде чем один раз отрежет. Мнений на сей счет в избытке, причем по обе стороны Атлантического океана. Для европейцев «милитарный» ход событий не сулит ничего хорошего: он увеличивает напряженность. С дипломатической точки зрения такой путь весьма опасен. Например, Сергей Иванов сказал мне в Мюнхене, что американские действия не столько нарушают стратегический баланс, сколько смотрятся как недружественный жест в сторону Москвы, на чьих границах и вырастут новые установки.

Вместе с тем существенна и позиция Варшавы. Для правящей там верхушки речь идет, пожалуй, не о военно-технических вопросах, а о превращении Польши в некое подобие 51-го американского штата. Убежден: это неверный, ошибочный курс. Даже высокопоставленные чиновники из окружения Буша-старшего признавались мне, что такой поворот (и с ракетами, и с польской политикой) явно преждевремен, не обоснован, легковесен. В любом случае, добавляли они, не грех проконсультироваться с русскими. Ну что ж, подождем пару месяцев — до первых шагов Барака Обамы. Тогда кое-что прояснится и в теории, и на практике.

— Какое впечатление произвел на вас Владимир Путин?

— Огромное. Я бы сказал, капитальное. Напомню: в конце нынешнего года выходит в свет моя книга, посвященная биографии господина Путина. Познакомились мы давно, в начале 1990-х годов. Влиятельная русская аристократка Татьяна, происходившая, понятно, из белоэмигрантской семьи, пригласила в свой роскошный замок, один из красивейших в Германии, петербургского мэра Анатолия Собчака. С ним приехал Владимир Путин. Потом, в 1994-м, состоялась конференция на берегах Невы. Рассуждали о том, как Россия видится миру и как в России видят мир. Мы опять встречались, опять беседовали. Позднее это происходило довольно часто. Так что я могу делать выводы со знанием обстановки, с фактами в руках. Масштаб личности господина Путина мне ясен: российское правительство возглавляет политик, который творит историю.

Подготовил Яков Евглевский